

щих Дон Жуана и Лепорелло, Счастливецца и Несчастливецца и т. д. Пространство игры не замыкается, оставаясь открытым даже при закрытом занавесе.

Таким образом, формула «театр в театре» является формообразующим элементом в художественной системе автора, обуславливающим особенности хронотопа, системы персонажей, сюжета и композиции. Театр в произведениях Г.И. Горина 1990-х гг. представлен как специфический тип пространственно-временной организации, характеризующийся предельной концентрацией семантических полей и открытостью для всевозможных субъектно-объектных модификаций. Герой (Человек театра) явлен как принципиально незавершенный, представляющий собой амбивалентное единство множества смыслов, — изначально актер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горин Г.И. Королевские игры. М.: Эксмо, 2005. 224 с.
2. Горин Г.И. Сценарии. Киноповести. Пьесы. Рассказы. (Серия «Зеркало — XX век»). Екатеринбург: У-Фактория, 1999. 720с.
3. Горин Г.И. Дом, который построил Свифт. Киев: Довира, 1995. 397с.
4. Чупасов В.Б. «Сцена на сцене»: проблемы поэтики и типологии. Дис. ... канд. филол. наук: 10. 01. 08. Тверской гос. ун-т, 2001.
5. Горин Г.И. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 6. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 736 с.

Екатерина Викторовна АВЕРЬЯНОВА —
профессор кафедры французской филологии
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук,
доктор по исследованию воображаемого
Гренобльского Университета-3
им. Стендаля (Франция)
katia.averianova@rambler.ru

УДК 811.161.1

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИСКУШЕНИЯ И ЗАПУГИВАНИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению языковых средств выражения манипуляции в древнерусском языке XI-XVI веков. Исследование проведено на материале древнерусских житий и Киево-Печерского патерика. Установлена архетипическая структура фигур искушения и запугивания.

Summary. The author examines language means of manipulation in the Old Russian language of the XI-XVIth centuries and singles out the archetypal structure of the two semiotic figures: temptation and intimidation. The research is carried out upon old Russian hagiographies and the Kiev-Pecher pateric (collection of sacral narratives).

Ключевые слова. Архетип, манипуляция, искушение, запугивание.

Key words. Semiotic figure, manipulation, temptation, intimidation.

Объектом нашего исследования являются языковые средства, имеющие манипулятивное значение. Материалом исследования послужили древнерусские жития XI-XVI веков. Цель настоящей статьи — выявление языковых средств выражения искушения и запугивания в древнерусском языке. Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые рассматривается вопрос о связи семиотической категории манипуляции с языком.

Мы исходим из следующего определения манипуляции, предложенного Парижской семиотической школой: «Манипулятор может осуществлять свое убеждающее действие, опираясь на модальность “мочь”: тогда в прагматическом измерении он предложит манипулируемому положительные объекты (культурные ценности) или отрицательные объекты (угрозы): в других случаях он убедит получателя благодаря знанию: в когнитивном измерении он сообщит ему, что он думает о его модальной компетенции в форме положительных или отрицательных суждений. Таким образом, очевидно, что убеждение в плане “мочь” характеризует искушение (когда предлагается объект положительной ценности) и запугивание (представляющее собой негативный дар), убеждение в плане “знать” присуще провокации (с отрицательным суждением “Ты не способен...”) и оболыщению (проявляющемуся в положительном суждении)» [1; 221].

Искушение, запугивание, провокация и оболыщение рассматриваются в работе как манипулятивные фигуры. Понятие «фигура» ввел в лингвистику Луи Ельмслев. Он называл так либо единицы плана содержания, не имеющие плана выражения (например, метафоры), либо единицы плана выражения, не имеющие плана содержания (фонемы). Таким образом, фигура, по Ельмслеву, не является знаком [2]. Мы же под фигурой понимаем знак, имеющий как план содержания, так и план выражения, но при этом одному содержанию соответствует бесконечное число выражений. Представляется, что в основе манипулятивных фигур (дискурсивных образований) лежат архетипы (ментальные образования).

Понятие «архетип» после длительного перерыва ввел К.Г. Юнг вслед за Платоном. Он обозначал им формальный прообраз психических представлений [3], [4], [5]. Ю.А. Шрейдер обращает внимание на важное различие двух научных понятий «тип». Первое определяется как наиболее характерное единичное явление, с наибольшей полнотой выражающее сущность; второе — как прообраз, основная форма, допускающая отклонения (архетип) [6; 1]. Архетип позволяет представить объекты путем описания, эксплицитно указывающего на общее и особенное объектов данного типа. По мнению Ю.А. Шрейдера, если архетип невозможно предъявить через один типичный образец, его воплощающий, как обстоит дело с нашим материалом, его приходится рассматривать как образ (гештальт), заданный многообразием типичных образцов (типичским многообразием) [6; 2]. Часть описания архетипа, допускающая нормативную интерпретацию без обращения к другим частям того же описания, называется описанием мерона или *мероном* описания [7]. Предполагается, что архетип состоит из меронов, описания которых необходимо входят в описание архетипа [7].

Нами было установлено, что в религиозном дискурсе преобладают манипулятивные фигуры искушения и запугивания: на материале из 250000 знаков древнерусского текста было обнаружено 320 манипуляций. Из них 201 пример (62,8%) являются искушениями, 93 примера (29%) — запугиваниями.

Искушение

Очевидно, что в случае искушения речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Искушение имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что языковая архетипическая структура может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) сдела-

ешь (сделаете, -ет(ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем),-ет(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо». В «Русской грамматике» такие условные предложения относятся к «предложениям со значением обусловленности»: в них соотнесены две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой [8; 562].

Рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу.

Условное придаточное (протасис) содержит глагол в будущем времени. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в будущем или в настоящем времени (45 искушений, или 20,5%):

Бѣ же Аннии патриархъ ересь въздвигль, глаголя не творити чьсти святыхъ иконамъ. И събравше съборъ, обличиша его, яко неправо глаголетъ, и съгнаша и съ стола. Он же рече: «Насилиемъ съгнаша, а не препрѣвше мене. Не можетъ бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с патрикии устроивъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеша юношу сего препрѣти, то пакы столъ свои примеша. Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣды стара ума в немъ и, иже вяху послани с нимъ, рече к нимъ: Вы подножна моего нѣсте достоинни, то како ся с вами хошю прѣти?»

<Тогда> же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» [9]

Архетип допускает вариации: первый мерон (требование к манипулируемому) может содержать глагол в повелительном наклонении, при этом во втором мероне (обязательстве манипулятора) употребляется будущее время: «Сделай(-те) (пусть он(-и) сделает(-ют)) что-либо, я(мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют) для тебя (вас, него(них)) что-либо или ты(вы) (он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо» (88 искушений, или 40%):

И тако събравъ вся воя своа, приспѣ противу безбожныхъ татаръ: и увидѣвъ силу ихъ зѣло множество, сташа сомнящеся, страхомъ мнози от нихъ овнати быша, помышляюще, что сътворити. И се внезапно въ той часъ приспѣ борзоходець с посланиемъ отъ святого, глаголюще: «Безъ всякого съмнѣния, господине, съ дръзновеннемъ поиди противу свирѣпства ихъ, никакоже ужасатися, всяко поможетъ ти Богъ». И авне князь великий Дмитрие и все воинство его, от сего велику дръзость възпримше, изыдоша противу поганыхъ...

Собрав всех воинов своих, выступил он против безбожных татар; увидев же войско татарское весьма многочисленное, они остановились в сомнении, страхом многие из них охвачены были, размышляя, что же делать. И вот внезапно в это время появился гонец с посланием от святого, гласящим: «Без всякого сомнения, господин, смело выступай против свирепости их, нисколько не утрашайся, — обязательно поможет тебе Бог». Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых... [10].

Большинство искушений представляют собой манипуляцию на межличностном уровне, но были также обнаружены манипуляции коллективным сознани-

ем, так называемые обобщающие манипуляции (63 искушения). При обобщающей манипуляции адресат может быть выражен при помощи окончаний глагола 2 лица ед. и мн. ч. в повелительном наклонении (20 примеров):

1. **Яко же апостоль учить: «Его же любить Господь, того же и казнить, и бьеть же всякого сына, егоже приемлет; аще во наказанья терпите, яко сыновь вамъ обретается Богъ».**

2. **Пробываше въ всемъ повинүся родителема своимъ: тщаше бо ся повеления ею съвршити и ни въ чемъ же преслушатися ею, якоже и Святое глаголетъ писание: Чти отца своего и мать, да будеши дльголѣтенъ на земли».**

Адресат манипуляции может быть выражен также при помощи местоимения «кто» в придаточном предложении, выражающем первый мерон (12 искушений):

«**Аще кто оставитъ отца и мать, грады и села стократицею приметъ зде, в будүщий вѣкъ — царство небесное».**

При обобщающей манипуляции адресат может быть выражен при помощи причастий, прилагательных и существительных. В этом случае речь идет о более свободных вариациях архетипа: первый мерон, выражающий требование к манипулируемому, представлен в сжатой форме, тогда как второй мерон — обязательство манипулятора (трансцендентного Отправителя) — содержит глагол в настоящем или будущем времени:

1. **«Примемляя праведника въ имя праведниче, мьзду праведничю приметъ».**

2. **«Тръпѣти үбо, тръпѣния бо потреба есть: въ тръпѣнии вашемъ стяжите душа ваша; претръпѣвый бо до конца и спасется».**

3. **«Прославляющаа мя прослаблю».**

1. Как учит апостол: «Кого любит Бог — того и наказывает, и наказывает всякого сына, какого приемлет; ибо коль наказанья претерпите — точно сыном становитесь Богу» [11].

2. Он жил, во всем повинувшись своим родителям: старался повеления их исполнять и ни в чем не ослушаться их, как и Святое писание говорит: «Чти отца своего и мать и будешь долголетен на земле» [12].

«Всякий, кто оставит отца и мать, земли и жилища свои ради имени Моего, получит во сто крат, а в будущей жизни наследует царство небесное» [13; 456-457].

1. «Принимающий праведника во имя праведника, получит награду праведника» [13; 451-452].

2. «Терпите поэтому, ведь терпение нужно вам: терпением вашим спасайте души ваши; претерпевший же до конца спасется» [10].

3. «Прославляющих Меня прослаблю» [13; 510-511].

Запугивание

Очевидно, что в случае запугивания речь идет о предложении двустороннего контракта. Первая часть контракта содержит требование к манипулируемому (адресату) и представляет собой мерон, содержащий логическую предпосылку. Вторая часть содержит обязательство манипулятора (адресанта) и также является мероном описания. Запугивание имеет архетипическую структуру, состоящую из двух меронов.

Представляется, что языковая архетипическая структура может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) (не) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе (вам, ему, им) что-либо или ты(вы, он(-и)) (не) получишь(-те)

(получит(-ат)) чего-либо». Такого рода предложения также являются предложениями со значением обусловленности.

Рассмотрим языковые реализации, близкие к архетипу.

Условное придаточное (протасис) содержит глагол в будущем времени. При этом в аподосисе (главном предложении) употребляется глагол в будущем или в настоящем времени (40 запугиваний, или 43%):

«Обѣщался еси възприати мнѣ шескый образъ, и аще сълѣжеша, съ животом и душею погубиши».

«Ты обещался принять иноческий образ, и если солжешь, то с жизнью и душу погубишь» [13; 527-529].

Архетип допускает вариации: первый мерон (требование к манипулируемому) может содержать глагол в повелительном наклонении, при этом во втором мероне (обязательстве манипулятора) употребляется глагол в будущем времени: «(Не) делай (-те) (пусть он(-и) (не) делает(-ют)) что-либо (чего-либо), я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе(вам, ему, им) что-либо или ты (вы) (он(-и)) (не) получишь(-те) (получит(-ат)) чего-либо» (15 запугиваний, или 16%):

«Единъ отъць повѣда шьдъшемъ намъ въ Фиваиду, яко старьць сѣдѣше вънѣ града Антинъ Великий, сътворивъ въ клѣтцѣ своей лѣтъ 60. И имяше же ученикъ 10 и единого же имяше зѣло лѣнящася. Старьць же многашьды учаше и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имаши и въ мѣку ити!» Братъ же вънѣ прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыхъ от него».

Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них — очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь — и на мучение иди!» Брат же всегда ослушивался старца, не принимая сказанного им [14].

Как видно, повелительное наклонение используется при запугивании, но гораздо реже, чем при искушении.

Обобщающая манипуляция также используется в запугивании, но гораздо реже: мы нашли только 16 примеров. При обобщающей манипуляции адресат может быть выражен при помощи причастий, прилагательных и существительных (10 примеров):

1. Окаяннии же они убойцѣ възвративъшеся к пославъшюму Мя, якоже рече Давыдъ: «Възвратятъся грѣшници въ адъ и вси забывающии Бога».

1. Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечестивые во ад и все забывающие Бога» [15].

2. «... славяща мя во, — рече, — аз прославлю, уничижающа же мя без чести бѣдѣтъ».

2. «...славящих меня, — сказано, — я прославлю, а уничижающие меня без чести будут» [10].

Адресат манипуляции может быть выражен при помощи местоимения «то» в придаточном предложении, выражающем первый мерон (2 примера):

Таче по времени паки нѣкоторѣмъ слыша въ святѣмъ евангелии Господа глаголюща: «Аще кто не оставитъ отца или матере и въ слѣдъ мене не идетъ, то нѣсть мене достоинъ».

Некоторое время спустя привелось ему услышать, что говорит Господь в святом Евангелии: «Если кто не оставит отца или мать и не последует за мной, то он меня недостоин» [16].

Таким образом, мы выявили структуру архетипов искушения и запугивания в древнерусском языке. Языковая архетипическая структура искушения может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) для тебя (вас, него, них) что-либо или ты(вы, он(-и)) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо». Языковая архетипическая структура запугивания может быть выражена в виде условного предложения (*casus realis*): «Если ты (вы, он(-и)) (не) сделаешь (сделаете, сделает(-ют)) что-либо, то я (мы, он(-и)) сделаю(-ем) (сделает(-ют)) во вред тебе (вам, ему, им) что-либо или ты(вы, он(-и)) (не) получишь(-те) (получит(-ат)) что-либо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Greimas, A.J., Courtes, J. *Sémiotique: Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. P.: Hachette Supérieur, (1979)1993. 454 p.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Изд-во иностр. Лит-ры, 1960. С. 264-389.
3. Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Перевод с англ. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 355 с.
4. Юнг К.Г. Об архетипе, в особенности о понятии «Анима» // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2007. С. 24-43.
5. Юнг К.Г. Психологические аспекты архетипа матери // Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. Пер. с нем. Т.А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2007. С. 44-79.
6. Шрейдер Ю.А. Типология как основа классификации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1981. № 11. С. 1-5.
7. Майен С.В., Шрейдер Ю. А. Методологические аспекты теории классификации // Вопр. философии. 1976. № 12. С. 69-79.
8. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
9. Житие Константина-Кирилла // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
10. Житие Сергия Радонежского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
11. Повесть об убиении Андрея Боголюбского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
12. Житие Сергия Радонежского // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
13. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси, XII век. М.: Худ. лит-ра, 1980. С. 413-626 (2-ая Кассианова ред. по изд. Абрамовича. Текст памятника подгот. Л.А. Дмитриев).
14. Из Синайского патерика // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
15. Сказание о Борисе и Глебе // <http://lib.pushkinskijdom.ru>
16. Житие Феодосия // <http://lib.pushkinskijdom.ru>

Александра Павловна УШАКОВА —
доцент кафедры общего языкознания
Тюменского государственного университета,
кандидат филологических наук
total@utmn.ru

УДК 811.161.1+811.161.3

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье осуществляется обзор лингвистических работ, посвященных анализу категории принадлежности в русском и некоторых славянских языках.